

КООРДИНАТЫ ПОИСКА

Штрихи к портрету
Владимира Амлинского

В одной из повестей Владимира Амлинского есть такой эпизод. Идет война. В глубокий тыл с фронта приходит пареньку похоронка. Он оглушен свалившимся на него горем. Близкий друг, который учится с ним в одном классе, тоже страшно подавлен этим известием, и когда отец пытается утешить его, говоря, что сейчас тысячи мальчиков получают такие известия, сын почти зло отвечает ему:

— Других я не знаю. Я Хайдера знаю.

Знаменательный диалог. В нем выразилась, быть может, одна из важнейших черт всего творчества В. Амлинского.

С отчаянной силой в этой строке звучит юношеский протест, несогласие с тем, что людей, словно числа, можно приводить к какому-то общему знаменателю. Каждый — целый мир, вселенная. Кто бы ни мучился — все страдают по-своему, и пришедший в мир, вне зависимости от того, кем он стал, имеет право на счастье просто потому, что он человек.

Поэтика произведений Амлинского сдержанна, скупа, почти графична. Да и уместно ли бытие роскошных красок там, где живет неблагополучие или беда? А ведь писателя более всего интересуют сюжеты, в которых его герои подвергаются испытаниям. Нет, он не посылает их за тридевять земель сражаться с буранами и лавинами — обычная жизнь постоянно вынуждает человека совершать нравственный выбор. По Амлинскому, чуть ли не от каждого прошедшего дня зависит твоя судьба. Наверное, поэтому почти всех его персонажей отличает интенсивность внутренней жизни.

Всегда непросто говорить о поэтике прозы зрелого, сложившегося писателя. Видимо, следует обратить внимание на его этапные произведения, на важнейшие, постоянно звучащие мотивы в его творчестве.

Тема человеческой стойкости — несомненно, для писателя сокровенная. Ее различные вариации возникают в каждой новой работе прозаика. Как лейтмотив она особенно остро прозвучала в «Жизни Эрнста Шаталова» — в повести о большом человеке.

Эрнст Шаталов уже десять лет, не вставая, лежит в кровати, а последние годы даже не может повернуться на бок. Но этот больной человек старается как можно меньше беспокоить людей. Не быть в тягость другим, оберегать других даже в таком состоянии — вот в чем его достоинство. Может возникнуть законный вопрос: зачем понадобился такой герой, что он, с отрочества неподвижный, может знать о жизни, о людях? Но вот что он сам говорит о себе. «...А на самом деле мне недавно исполнилось девятьсот лет... Я бесконечно стар, сколько раз я уже умирал и со всеми прощался, и вновь выплывал на свет божий, и сколько я всего передумал в тишине — ей-богу, этого вполне хватит на все девятьсот лет». Что может дать человеку такую спокойную уверенность в собственной умудренности? Нет, не только жизненный опыт, а обязательно еще постоянная работа ума. Со времени болезни, выходит, почти с детских лет, у него «появилась тяга к тому, чтоб немножко разобраться в самом себе, в этом самом странном «я», которое все время неотступно с тобой и за пределы которого так хочется иногда выскочить».

Выскательный самоанализ приводит его к мысли о том, что для человека «важнее всего

себя не мельчить. Однажды он говорит совершенно твердо, что, «может быть, самое главное мужество человека в том, чтобы преодолеть вот такую мелкую трясицу, выбраться из бытовых гнусностей, не поддаться соблазну мелочной расплаты, карликовой войны, копейного отчаяния».

Такой человек может сформировать себя умным, принципиальным, стойким, но кажется неизбежным, даже естественным, что ущербная жизнь должна была бы сузить его взгляды на мир подобно взгляду моллюска, ограниченного створками раковины.

И, понимая это, Шаталов страстно стремится разорвать сети личного опыта, ему интересна жизнь остальных людей во всей ее сложности, которая его, быть может, и никогда не коснется.

Он страдает, душевная мука и праведный гнев на врачей снедают его, когда он узнает, что ранее поставленный диагноз его болезни не верен... Но вот что говорит его друг: «Это инстинктивное желание человека обвинить кого-то в своей беде... Эту извечную особенность человека часто использовали и в историческом масштабе; когда людям худо, находят виновных, и освоенная энергия идет на ненависть. И тебе, возможно, еще когда-нибудь захочется найти виноватого... Постарайся не винить. Ты разберись для себя сначала». Эти слова он навсегда запомнил. Тут катастрофа произошла, может быть, крушение всей его жизни, а он интересуется судьбами мира.

В чем же для такой стойкости он черпает силу? В сострадании. Да, в сострадании других к нему и, как ни удивительно, в сострадании его к остальным людям, потому что ему, неизлечимо больному, яснее ясного мысль о беззащитности человека. «...Одно мгновение, — говорит он о здоровых, — одна беда — и все перевернулось, и они сами уже вынуждены ждать помощи и просить о сострадании... сострадание — великая вещь».

Если повесть «Жизнь Эрнста Шаталова» замкнутостью своего художественного мира, сконцентрированным почти до неподвижности действием напоминает некую модель, где бытие будет описываться именно в таких категориях, как добро, зло, милосердие, стойкость, то, например, в романе «Возвращение брата», другом значительном для творчества писателя произведении, он стремится воссоздать не только биографию героя, но обязательно и его судьбу, то есть связать личную жизнь человека с течением самой истории.

Ивана Лаврухина крошечным пацаненком война заставила перенести такое, что и не каждому зрелому человеку под силу. Партизаня в эстряде, он в детском возрасте видел смерть, на его глазах людей посылали на виселицу, а потом его самого увезли: на чужбину, где в полной мере ему, ребенку, пришлось испытать и унижение, и отчаяние. Однажды, после изощренных издевательств двух его сверстников, двух хозяйских мальчишек, в душе Ивана, сжигаемой бессильной яростью, поселилась ненависть и обида. «На кого? Он не знал. На этих двух фашистиков? Не только на них... Вообще на всех немцев и вообще на всех людей».

Здесь мы подошли еще к одному важнейшему мотиву, определяющему весь характер творчества и направление пойс-

ков В. Амлинского. Насилие. Противоборство с ним, развенчание его романтического ореола, стремление обнажить, сделать явленной сущностью тупой бесчеловечной силы — одна из главных задач писателя.

Ненависть к жизни приводит к тому, что становится Иван Лаврухин преступником. Он мошеничит, ворует, грабит. Он приемлет кодекс насильника. Но зло плодит зло, и Ивану еще воздастся за это. Воздастся, когда он раскается, ведь не все утратила его душа, ведь даже когда он ставил себя вне общества, он и тогда говорил: «Я зверем... не был. На мне крови нет». Жизнь другого человека и в ту пору была для него свята. А родившаяся в сердце любовь дает силы его духовному обновлению. Ведь только любовь, нет, не абстрактная, а женщины, матери, друга может преградить злу дорогу. Но поселившееся в миру зло и жившее здесь некогда стараниями Ивана — рушит его стремление к любви и правде. Он гибнет от рук шпаны, от рук тех, чья среда питала когда-то и его самого, и его «корешей».

Жестокость, насилие отвратительны не только потому, что несут страдание другим людям. Каждой новой работой писатель стремится доказать, что они саморазрушительны для их носителя, для самого человека.

А что же должна противопоставить им жизнь? Любовь? Но не слишком ли она ранима и беззащитна? Закон? Да, он силен, но дело имеет со свершившимся фактом.

Пришло время сказать еще об одной характерной черте прозы Амлинского. Об утверждении ею — как некой безусловной ценности — интеллектуальности. Я употребил это слово не для обозначения изощренного умствования, не для определения нарочито усложненной повествовательной техники, которая требует от читателя профессиональной подготовленности при восприятии произведений искусства, а для обозначения веры в силу и роль человеческого разума, которую так истово отстаивает писатель.

И кем бы ни были герои Амлинского — людьми со сложной душевной организацией или людьми совсем простодушными, образованными или сформировавшимися вдали от книжной учености, большинство из них является перед нами в состоянии непрекращающейся мыслительной работы. Разные думы мучают судьбу Малина из романа «Возвращение брата» и пацана, похожего на тихого злого мышонка, про которого в очерке «День первый — день последний» рассказано, как он отбыва-

ет в колонии срок; профессионального историка, одного из героев «Нескучного сада», и работягу Павла, управляющего землеройкой в рассказе «Над рекой Кизир», — но все они думают, мыслят, и их мышление — непереносимое условие духовности, потому что они спрашивают себя не только о том, как наестся, как удобней устроиться в жизни, но и как стать счастливым, как дать счастье другим.

Очень выразителен характер классного руководителя — Классного — героя из повести «Тучи над городом встали».

Это такой чудак, школьный педагог, мыслитель, который, конечно же, у всех вызывает улыбку. На первый взгляд, склонность к философии даже вредит ему, во всяком случае на его карьере отрицательно сказывается его постоянное стремление объяснить и понять скрытую взаимосвязь явлений. Он болезнен, мягок с ребятами, его любят, но не уважают, пока они уважают лишь тех, кого стоит бояться. А Классный — какой-то книжный червь, какой-то классический неудачник. Но началась война, и он, белобилетник, уходит на фронт. Он праведно прожил жизнь, потому что отдал ее. А душа и честь, к этому сподвигнувшие его, были воспитаны культурой, знанием, образованностью.

Синтез творческих устремлений писателя осуществлен им в романе «Нескучный сад». Романная форма, позволяющая звучать не одному какому-нибудь мотиву, а их слитному многоголосью, дает возможность почувствовать не только важнейшие конкретные проблемы текущих дней, но и атмосферу времени, без которой невозможна художественная правда.

Герой «Нескучного сада» в силу профессии — он археолог — культуру и историю древних народов ощущает вообще как современность; его сын — подросток — всеми своими мечтами и чувствами устремлен в будущее, ему еще лишь предстоит свершиться в этом мире как личности.

Различные пласты — вечности, современности, будущего сопряжены в жизни, пусть не всегда видимой нам, но неразрывной связью. Это сопряжение, открываясь художнику, рождает будто еще какое-то более сложное пространство. А ведь именно в нем человек не только видит себя, но и может ответить, кто же на самом деле он есть.

К этому и стремится упорно Владимир Амлинский.

Игорь КУВШИНОВ